

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОЛЬШОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ	11
Открытие нового мира	11
Долгое ожидание во тьме	16
Миф о Шелковом пути	25
Марко Поло — счастливый случай	31
Христофор Колумб и век хищников	36
Запретная империя	42
Таинственное Королевство шелка	45
Альтернативная цивилизация	51
Приятно познакомиться, Запад!	55
Портрет другого народа	59
Многовековое искусство каллиграфии	64
Готовность «понять» Китай	66
ВЫСАДКА НА «ПЛАНЕТУ КИТАЙ»	78
Большой скачок	78
Очевидец в Пекине	82
Мой «Вергилий» Лу Синь	92

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ШЕЛ 1979-Й ГОД	105
ПЕКИН	106
Мао, «Цю» и подземный город	106
Легенда о лакированной утке	109
ТЯНЬЦЗИН	114
Когда развевался триколор	114
НАНКИН	121
Память о Сунь Ятсене	121
Мост Гордости	123
В «Шанхайском экспрессе»	130
ШАНХАЙ	133
Где деньги решали все	133
Капиталистический «товарищ» Лю	139
СИАНЬ	141
Перед великим «пробуждением»	141
Мухаммед на Шелковом пути	146
КУНЬМИН	149
Юньнань, к югу от облаков	149
О том, как не быть ханьцем	153

КАНТОН	159
Там, где цветет жасмин	159
Жил-был опиум	162
Последний день	165
МАРШРУТЫ: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ	170
МОНГОЛИЯ	170
Поезд в пустыне Гоби	170
Одиночество прерий	184
ТИБЕТ	189
Лхаса, на краю небес	189
Потала — в покоях Далай-ламы	194
Эзотерическая мистерия в Шигадзе	198
СИНЬЦЗЯН	206
Последний рубеж	206
ТРИ ОСОБЕННЫХ ВСТРЕЧИ	220
Мао Цзэдун в семейном формате	220
Новый год с вдовой последнего императора	227
Ван Дагуань, поэт «Старого Пекина»	236

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕПОРТАЖ НОВОЙ ЭПОХИ	243
МЕНЯЮЩИЙСЯ КИТАЙ	243
Рок-волна и западный ветер	243
Конфуцианский неокapитализм	249
«Возвращение» Китая	251
Когда дверь приоткрылась	253
Лучше думать о прибыли	256
Ханчжоу: пойдете смотреть на лотосы	259
Последний звонок в Шаосин	262
Янчжоу по следам венецианцев	264
Однажды в Мукдене	266
Харбин, ужин с «сюрпризом»	270
Призраки Маньчжоу-го	274
Хуньчунь — будущее на берегу Тихого океана	276
Хайнань — последний «райский уголок»	279
В царстве предков	281
Подземные сокровища и тайны	286
РЕФОРМЫ: ДВОЙНОЙ СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОК	290
Новогодние благие события	290
Внутренние беженцы	295
Мечь Конфуция свершилась	304
Маоистская ностальгия	307
Время интеллектуалов	312

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

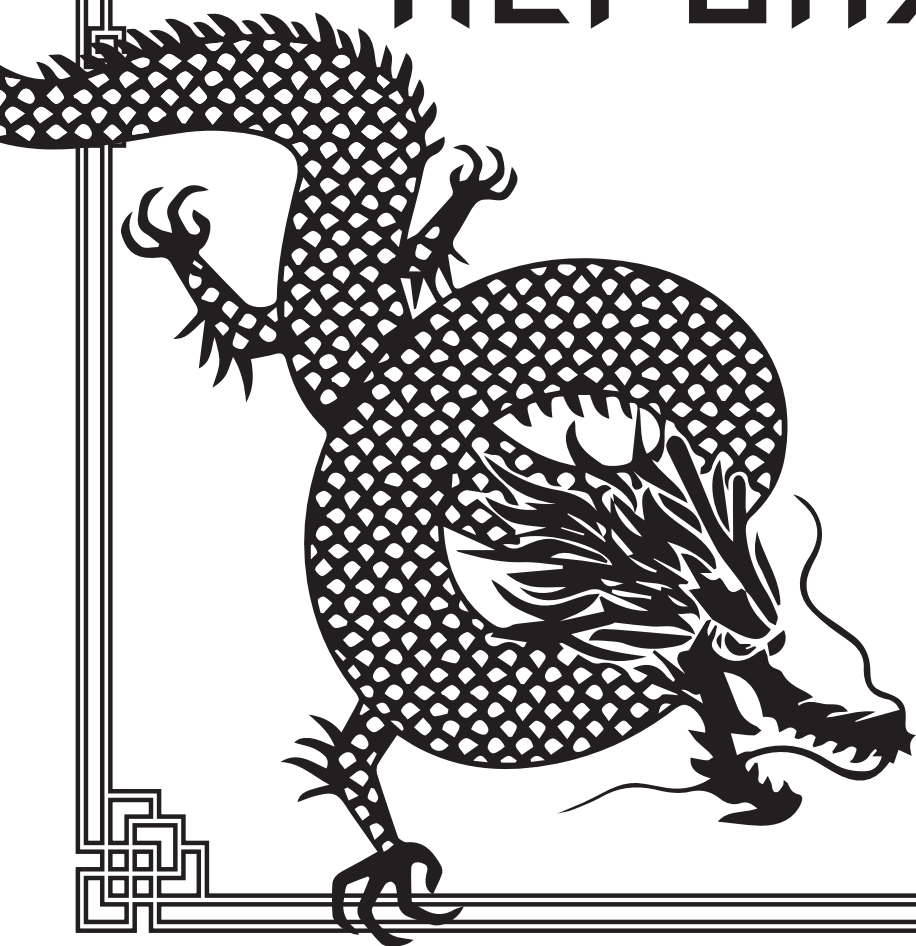
ВОЗВРАЩЕНИЕ К БЫЛОМУ ВЕЛИЧИЮ ..	321
Китайская мечта	321
Шанхай устремлен в будущее	323
Учитесь у Шэньчжэня	327
Сорок лет успеха	338
«Чудо» интернета	346
Высокие технологии «made in China»	351
Социализм «по-китайски»	355
Вызов Си Цзиньпина	363
Новый Шелковый путь	367
Обещание «Новой эпохи»	372
Китайцы третьего тысячелетия	377
Голубое небо и загадочные вирусы	385
Провокаторы у порога	397
Генеральная репетиция в Ладакхе	399
Тибетский вопрос	401
Синьцзян — далекий запад	404
Морские границы	406
Шторм над спорными островами	409

POST SCRIPTUM

ИСКУШЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ»	415
БЛАГОДАРНОСТИ	422
БИБЛИОГРАФИЯ	424

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

БОЛЬШОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ¹

ОТКРЫТИЕ НОВОГО МИРА

Когда друзья спрашивают меня о Китае, я всегда отвечаю: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Эта китайская поговорка стала моим традиционным ответом. Хотя за последние сорок четыре года я побывал в Поднебесной двести шестнадцать раз и на основе этого опыта могу предложить поговорку собственного авторства: «В Китай не едут, а возвращаются».

И вот я возвращаюсь из моего очередного путешествия, и еще с пекинской пылью на ботинках, в уединении своего кабинета, посреди собранных в течение всей жизни книг я листаю старый добрый журнал «Китайская реконструкция», который с начала 1960-х годов стал для меня, парнишки, мечтающего добраться до Небесной Империи, первым окном в далекую и неизвестную страну.

Даже мои китайские друзья, равно как и друзья-итальянцы и иностранцы, пораженные давним желанием понять эту страну, удивляются глубине моего понимания Китая и интересуются, как у меня возник такой интерес. Я постоянно пытался ответить на этот вопрос и, кажется, нашел две причины своего увлечения.

Я был очень любопытным ребенком, рано научился читать, и поэтому мои родители, еще до того как я пошел в школу, подарили мне книжку с иллюстрациями, в которой рассказывалось о путешествии школьника по российским степям, арабским пустыням, индийским джунглям, и о его встречи с девочкой в королевстве Дракона.

Диалог из книжки навсегда остался в моей памяти:

«ДЕВОЧКА-КРАСАВИЦА, СКАЖИ-НА МНЕ: ЧТО ЭТО ЗА СТРАНА?»

«ВОТ ПРИЕХАЛ ТЫ В КИТАЙ; ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ОСТАВАЙСЯ!»

«СПАСИБО, ПРЕКРАСНАЯ НИТАЯНКА, Я С УДОВОЛЬСТВИЕМ ОСТАНУСЬ!»

Спустя пару лет к этой книге добавились приключения Марко Поло², благодаря которым я узнал о Шелковом пути³.

¹ Издание впервые выпущено в 2021 году, содержит авторские оценки некоторых событий и явлений. — Прим. ред.

² Марко Поло (15 сентября 1254, Венеция — 8 января 1324, там же) — венецианский купец и путешественник, представивший историю своего путешествия по Азии в знаменитой «Книге о разнообразии мира».

³ Шелковый путь — караванная дорога, связывавшая Восточную Азию со Средиземноморьем в Античности и в Средние века. В первую очередь использовался для вывоза шелка из Китая, с чем и связано его название.

Эту книжку мне тоже подарила мама, учительница начальных классов. Я жил в маленьком городке недалеко от Венеции, а Китай был далеко, так далеко. Но, в отличие от Марко Поло, у меня был велосипед. Разглядывая огромную географическую карту на стене моей школы, я осознал, что смогу добраться до Китая пешком прямо из дома и пересекать моря мне не придется.

Это было моим детским потрясением. Никакая другая книга или история приключений не впечатляла меня так, как рассказ моего знаменитого соотечественника.

Мне было интересно узнать, как изменилась эта Страна Чудес, которую семь веков назад посещал великий венецианец. Несколькими годами позже, будучи учеником пятого класса, я никак не мог понять, почему мы относимся к Китаю как к далекой планете.

Где бы я ни копался в поисках новостей, я неизбежно сталкивался с реальностью, которую не мог понять мальчуган: с миром политики. У Италии не было дипломатических отношений с этой страной, поэтому Китая не существовало. Я перерисовывал географические карты, размещая на них названия рек и городов, и вырезал из нераспроданных газет, которые мне любезно отдавал сын газетчика, статьи про Дальний Восток, таким образом положив начало архиву, который храню до сих пор. Но большинство этих статей были критичными и пронизанными антикитайскими настроениями из-за американской политики того времени.

Наконец, в пятнадцать лет я приобрел у уличного торговца книгу, которая потрясла мое юношеское сознание: нетронутое издание рассказов Лу Синя⁴ на итальянском. Меня поразило оформление обложки: рука, державшая за косу извозчика рикши, вид от первого лица. Название книги было для меня загадкой: «*Подлинная история А-кью*». Она стоила шестьсот лир, намного больше моих карманных денег на месяц, но я купил ее без колебаний.

Именно при чтении Лу Синя я впервые по-настоящему почувствовал *душу* его страны. Прошло много лет, а я до сих пор не нашел никого в Италии, кто слышал бы о Лу Сине, величайшем китайском писателе XX века.

Шли годы Кеннеди⁵, Европа была сражена его очарованием, и внимание молодежи было приковано к Америке. Я тоже следил за этим политическим явлением, но, в отличие от своих сверстников, которых привлекали исключительно Штаты, я мечтал побывать в Пекине. Помимо Лу Синя, мне подвернулась удача познакомиться по переписке с молодым поэтом-полиглотом, который из всех иностранных языков предпочитал итальянский и писал стихи на моем языке. Он был из Тяньцзиня (ныне Тяньцзинь⁶, согласно транслитерации на пиньинь⁷), и звали его Арманд Су. В следующей главе я расскажу нашу историю.

Мы писали друг другу непрерывно почти десять лет: каждый месяц по письму из Италии в Китай и обратно. Несмотря на отсутствие дипломатических

⁴ Лу Синь (25 сентября 1881 — 19 октября 1936), настоящее имя Чжоу Шужэнь — китайский писатель, оказавший большое влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века. Считается основоположником современной китайской литературы.

⁵ Джон Фицджералд Кеннеди (29 мая 1917, Бруклайн, штат Массачусетс, США — 22 ноября 1963, Даллас, штат Техас, США) — американский политический и государственный деятель, 35-й президент США (1961—1963) от Демократической партии. Его президентство пришлось на особо напряженный период Холодной войны.

⁶ Тяньцзинь — город на северо-востоке Китая, располагается вдоль Бохайского залива.

⁷ Пиньинь — одна из систем транскрипции китайских иероглифов.

отношений, мы решили, что наши Страны обязательно должны подружиться благодаря нам. Наша утопическая мечта, к счастью, стала реальностью, но лишь двадцать лет спустя.

С его помощью я окончательно открыл для себя Страну Чудес, пусть и издалека. Я погрузился в ее повседневную жизнь и получил подтверждение тому, о чем думал с детства: Китай был *частью* мира и если он был изолирован, насильно или добровольно значит, произошло что-то серьезное.

Необыкновенная красота рассказов Лу Синя и ежемесячные письма молодого поэта без всякой цензуры вселили в меня желание *понять* — что же привело к такому разрыву между Западом и Востоком. Я начал искать и изучать исторические тексты. Мне помогало посольство Китайской Народной Республики в Швейцарии. Тексты, которые я там обнаружил, были пропитаны китайской пропагандой, но это было для меня настоящей находкой.

В библиотеках я находил очерки западных ученых и сравнивал их с написанным китайской стороной. Конечно, они не совпадали. Для Китая история была насыщена националистическими эмоциями, а для Запада пронизана колониалистским видением.

Затем случилась Культурная революция⁸, и мой друг из Тяньцзиня оказался в ее эпицентре. Его письма продолжали приходить до весны 1968-го года. А потом наступила тишина, мертвая тишина длиной в десять лет.

Когда я учился в университете, «красное» волнение затронуло и нас, начавшись с парижских студентов⁹.

Я любил Китай и старался всеми способами сложить независимое мнение об исторических событиях. Меня влекла его революционная история, стремление к созданию нового мира.

Но Культурная революция ранила мои чувства, поскольку я не понимал ее причин. В поисках ответов я погрузился в исследования и подготовку диссертации на тему: «Страна вынужденного бунта», — начиная с крестьянских восстаний при императорских династиях и фокусируясь на периоде с Первой опиумной войны¹⁰ до основания новой республики в 1949 году.

Думаю, что в те накаленные и противоречивые годы я был одним из немногих западных студентов-«революционеров», которые полюбили Китай таким, каким он был в своей глубокой сокровенности, а не за то, каким он предстал в полити-

⁸ Великая пролетарская культурная революция — серия идейно-политических кампаний 1966—1976 годов в Китае, развернутых лично Председателем Мао Цзэдуном, либо проводившихся от его имени, в рамках которых под предлогами противодействия возможной «реставрации капитализма» в КНР и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом» выполнялись цели по дискредитации и уничтожению политической оппозиции для обеспечения власти Мао Цзэдуна и перехода власти к его жене Цзян Цин.

⁹ Майские события 1968 года, или «Красный май» или Май 1968 — социальный кризис во Франции, начавшийся с леворадикальных студенческих выступлений и вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и почти 10-миллионную всеобщую забастовку. В конечном счете кризис привел к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля и, в более широком смысле, к огромным изменениям во французском обществе.

¹⁰ Первая опиумная война 1839—1842 годов — военный конфликт между Британской империей и Империей Цин. Целью английских войск была защита торговых интересов Великобритании в Китае и расширение торговли, в первую очередь, опиумом (отсюда название), которой препятствовала Цинская политика запрета морской торговли.

ческий период, совсем не связанный с великой духовной традицией предыдущих китайских народных войн, особенно маоистской войны 1927–1950 годов¹¹.

Поэтому, в то время как многие мои однокурсники, бывшие американофилы, становились фанатами маоизма, а еще позднее — израильской политики, я остался верным другом Китая. Это были тяжелые годы, годы, которые еще предстоит глубоко осмыслить. Затем началась политика «пинг-понга»¹², последовавшая за падением Линь Бяо, военного и политического лидера, который управлял Китаем в годы «большого хаоса» (1966–1971) и в итоге был убит по приказу Мао¹³, когда бежал в Советский Союз.

В Мао Цзэдуне меня впечатлила его решимость пригласить президента США Ричарда Никсона в Пекин, несмотря на развешанные по всему аэропорту баннеры против *американского империализма*. Это были жестокие годы Вьетнама¹⁴, и Мао сделал свой ход с мужеством, в котором и по сей день видится что-то невероятное.

Между тем мое путешествие все еще оставалось несбыточной мечтой, хотя после «Шанхайского коммюнике»¹⁵, подписанного Никсоном и Чжоу Эньлаем (премьер-министром Народной республики с 1949 года и до смерти в 1976 году), Италия наконец признала Китай.

Довольно скоро в Риме открылось китайское консульство, и меня пригласили на прием. Там я познакомился с генеральным секретарем, который стал моим другом и после того, как оставил должность генерального консула в Милане и переехал в Пекин на пенсию. И именно он, Чен Баошун, выдал мне мою первую визу в Китай, это был апрель 1976-го. В начале 1979-го, после десяти лет молчания, Арманд Су написал мне письмо, в котором рассказал, что его признали невиновным и выпустили из тюрьмы. Я сразу же поехал его навестить, это была трогательная встреча, которой газета *Гуанмин Жибао*¹⁶ посвятила целую страницу. Арманд женился, у него родилась дочь, но поразивший его в тюрьме паралич прогрессировал, и в 1990 году он умер.

У меня осталось чувство вины, как будто я не сделал достаточно для сохранения памяти о нем. Но китайский народ не забыл его: стихотворение Арманда «Я люблю тебя, Китай» положили на музыку, а его рассказ, в котором даже упоминается наша дружба, вошел в детские комиксы.

В 1976 году, когда я впервые приехал в Пекин, я был уверен, что этот период станет важной вехой в моей жизни. И правда, с тех пор Китай стал моим вторым домом. Я могу утверждать, что являюсь редким свидетелем изменений, произошедших за последние полвека: от увядающего Мао, когда отголоски Культурной рево-

¹¹ Гражданская война в Китае — серия вооруженных конфликтов на территории Китая между силами Китайской Республики и китайскими коммунистами в 1927–1950 годах (с перерывами).

¹² «Пинг-понговая дипломатия» — обоюдные визиты игроков в настольный теннис между Китаем и США в 1971–1972 годах с целью налаживания отношений между странами. Подготовку к визиту Никсона в КНР в 1972 году осуществляли американские дипломаты, секретно посещавшие Китай с командой по настольному теннису.

¹³ Мао Цзэдун [26 декабря 1893, Шаошань — 9 сентября 1976, Пекин] — китайский коммунистический революционер, основатель Китайской Народной Республики, которую он возглавлял в качестве председателя Китайской коммунистической партии с момента создания Китайской Народной Республики в 1949 году, вплоть до своей смерти в 1976 году.

¹⁴ Вьетнамская война — вооруженный конфликт во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже с 1 ноября 1955 года до падения Сайгона 30 апреля 1975 года. Один из крупнейших локальных вооруженных конфликтов второй половины XX века.

¹⁵ Шанхайское коммюнике — дипломатический документ, изданный Соединенными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой 27 февраля 1972 года. В документе было заявлено, что в интересах всех стран — совместная работа Соединенных Штатов и Китая над нормализацией отношений, а также был подтвержден взаимный интерес к разрядке.

¹⁶ Гуанмин Жибао — китайская ежедневная газета, выходящая ежедневно с 1949 года. Тираж 490 000 экземпляров. Это одна из самых популярных газет в Китае.

люции угасали на горизонте, до эпохи после Мао, когда произошел арест «Банды четырех» (четыре ультра-радикальных лидера Культурной революции: Цзян Цин, жена Мао, Чжан Чуньцзяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь) в октябре 1976 года. Они были арестованы в 1981 году по обвинению в подготовке государственного переворота. Затем последовало возвращение к власти Дэн Сяопина¹⁷ в 1978 году и начало модернизации по формуле «рыночного социализма» под руководством Си Цзиньпина¹⁸. В общем, я увидел и пережил все, что произошло за эти сорок лет, которые перевернули мир.

Мое личное отношение к этим событиям всегда было обусловлено моим «китайским духом», взращенным уникальным опытом путешествий в далекие и недоступные регионы, гостеприимством моих восточных друзей, их человеческими переживаниями и уважением к своей стране, которая в течение 2500 дней радушно принимала меня с искренними дружелюбием и добротой.

Я с ностальгией вспоминаю многие лица и голоса, которых уже нет, но с которыми мне посчастливилось познакомиться через политику, историю, культуру и обычную жизнь. Я помню множество знаков вежливости и доброты, которые я не встречал больше нигде в мире.

Тем временем, в 1991 году, в честь 700-летия отправления Марко Поло из Китая в Венецию, по инициативе известного итальяниста Лу Тонлю я был включен в Постоянный совет управляющих Китайской академии международной культуры. Быть единственным членом некитайского происхождения в этой престижной культурной организации — большая честь для меня и по сей день.

За последние двадцать лет я путешествовал настолько часто, что пересек весь Китай вдоль и поперек: от северных регионов Дунбэя до южного острова Хайнань, с тремя посещениями Тибета. Уже тридцать лет меня сопровождает мой верный друг Лу Синь, пекинец из Шанхая, который помог мне погрузиться в чуткий и глубокий мир Китая. И это не просто слова, это истина.

Ни разу за 216 поездок у меня не возникало проблем, даже мелкой кражи или грубости. При забавных попытках надурить меня на рынках, где продается «поддельный антиквариат», я отпугиваю мошенников волшебным словом *jiade*, которое означает «подделка». И все заканчивается смехом торговца и похвалой моей *китайскости*.

За все эти годы я собрал впечатляющую коллекцию старых фотографий и гравюр, документирующих Китай прошедших дней. Изучая на этих изображениях «лицо» старого Пекина, я вместе со своими образованными друзьями-китайцами сокрушался об утере древней городской стены, большей части ее монументальных ворот и нескольких храмов. В настоящее время я работаю над книгой, посвященной великой имперской урбанистике Пекина, чтобы хотя бы таким образом сохранить память о ней.

Сегодня столица Китая — это город нарочитой современности, который поражает грандиозностью общественных работ и городским убранством, растущей эффективностью дорожной сети, бесспорным улучшением уровня жизни граждан.

¹⁷ Дэн Сяопин (22 августа 1904, Гуаньань, провинция Сычуань, Империя Цин — 19 февраля 1997, Пекин, Китай) — китайский государственный, политический и партийный деятель. Стал инициатором экономических реформ в Китае и сделал страну частью мирового рынка. Никогда не занимал пост руководителя страны, но был фактическим руководителем Китая с конца 1970-х до начала 1990-х гг.

¹⁸ Си Цзиньпин (15 июня 1953, Пекин, Китай) — китайский государственный, политический и партийный деятель, действующий генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая с 2012 года.

Я помню, как однажды вечером в конце 1990-х, перед тем как вернуться в Италию, я прогуливался по большой улице Цяньмэнь и был приятно удивлен, увидев новый *pailou* (*пайлоу*)¹⁹, восстановленную практически в оригинальном виде арку, на том месте, где ранее находился старинный пайлоу, разрушенный в 1950-х годах и который я «знал» только благодаря старым фотографиям.

Вечером того же дня, собрав чемоданы, я прочитал в газете *China Daily* новость, которая привела меня в восторг. В газете был опубликован призыв к населению помочь властям в сборе старых кирпичей с южного участка стены, в том числе снесенного в 1950–1960-х годах. Это было нужно для того, чтобы восстановить стену от юго-западного угла улицы Дунбяньмэнь до улицы Чонвэньмэнь и создать исторический парк «Стена Мин». Кроме того, говорилось, что все дома, построенные старой кирпичной кладкой, вскоре будут снесены, для извлечения материала и восстановления, хотя бы в небольшом масштабе, вида утраченного Пекина. В последующие годы я очень радовался каждому архитектурному восстановлению и грандиозной реставрации.

ТОГДА Я СКАЗАЛ СЕБЕ: ЭТО И ЕСТЬ КИТАЙ. ДАЖЕ КОГДА ОН ПРИЧИНАЕТ ТЕБЕ БОЛЬ, ОН ТУТ ЖЕ ДАРИТ ТЕБЕ РАДОСТЬ. КАК МОЖНО, НЕСМОТРЯ НА ВСЕ ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ, НЕ ЛЮБИТЬ ЕГО?

Завершая эту поездку, я с таким же предвкушением жду следующие двести шестнадцать.

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ ВО ТЬМЕ

Я упомянул несколько внешних причин, объясняющих истинное происхождение моей страсти к Китаю. Возможно, это было чтение книг, в которых мелькали упоминания о путешествиях в эти края, в том числе и рассказы о Марко Поло. Но, по правде говоря, мои аргументы кажутся мне не слишком убедительными, ведь «знак», который определил мое увлечение, возник сразу и был непреодолим. Иногда мне кажется, что Китай зовет меня каким-то эзотерическим призывом, словно воспоминание из прошлого.

Возможно, здесь сказывается моя тяга к иероглифам и любопытство к их изучению, а также очарование, которое всегда наводило на меня изогнутые крыши и архитектура пагод.

Когда я думаю о своей жизни сейчас, на ее последнем отрезке, я нахожу ее абсолютно созвучной моим самым спонтанным и неизменным интересам. Китай

¹⁹ Пайлоу — резные орнаментированные триумфальные ворота из камня или дерева, возводившиеся в Китае в честь правителей, героев, выдающихся событий. — Прим. пер.

вошел в мое существование сразу, с тонкой струйкой накапливаемой информации, даже несмотря на трудность ее поиска в столь равнодушные годы.

Пропаганда, незаметная для ребенка в те дни, должно быть, была очень убедительной, если вокруг меня не только мои сверстники, но и взрослые на каждом шагу демонизировали Китай. Та скудная информация, которую я получал, была не чем иным, как апокалиптическими предсказаниями. Китай изображался страной людоедов, где творятся ужасные вещи. Если предположить, что это правда, то всеобщая антикоммунистическая пропаганда готовила нас к *защите* и, по возможности, противостоянию нарастающей волне «желтой угрозы». Я, как и многие люди моего поколения, ощутил на себе воздействие «атлантической» дезинформации в те бесконечные послевоенные годы, которые обернулись для нас Великим Невежеством, до сих пор затмевающим знания и усиливающим предрассудки, ядовитым плодом безграмотности.

Примерно в 14 лет во мне возникло спонтанное противодействие демонизации мира, не находящегося под американским контролем. Деление планеты на *хороших* и *плохих* было для меня неприемлемо. Китай попал во вторую половину, запрещенный международным сообществом (разумеется, проамериканским), фактически вычеркнутый как государство из ООН, аннулированный декретом со своими (тогда) 400 миллионами граждан, вытесненный за «бамбуковый занавес» *хорошими парнями*.

Для меня единственным красивым, экзотическим, даже поэтичным во всей этой реальности был «бамбуковый занавес». Я хотел пройти сквозь него, мне казалось, что будет правильно пойти туда, постучать — и мне откроют. Другая часть, еще большая и принадлежащая *плохим парням*, имела «железный занавес» и была, откровенно говоря, менее экзотичной и совсем не поэтичной. Однако для меня в ней таилось свое темное очарование, которое стоило бы осветить.

Мир добра, в котором мне довелось жить, не давал мне никакой информации, кроме апокалиптических сведений о зле. Но зло тоже существовало, порой даже на моей стороне. Желание узнать все *запретное*, осознание того, что «мой мир» питает меня неполной и, возможно, не всегда правдивой информацией, привело меня к выводу. Я должен был сам докопаться до истины и тем самым укрепить свою свободу.

Необъяснимая потребность узнать Китай, так настойчиво стучавшаяся в мой разум, подсказала мне план действий. Найти там друзей, обмениваться с ними прочитанным, рассказывать друг другу о нашей жизни, о наших странах. А если не получится, то мои письма сами откроют «бамбуковый занавес» и даже «железный занавес».

Разве можно в 14 или 15 лет жить без мечты, которую во что бы то ни стало необходимо осуществить? Сейчас, пользуясь о Facebook и электронной почтой, я понимаю, что эпоха моих писем друзьям с разных концов света — это настоящая археология юрского периода.

Я узнал о существовании польского журнала «Радар» (издававшегося в одной из стран «плохой половины»), в котором публиковались объявления с адресами детей по обе стороны печально известных «занавесов», переписывавшихся на разных языках. Мое письмо, отправленное в Варшаву, благополучно миновало «железный занавес», и это уже стало для меня ответом. Я попросил опубликовать мой адрес, заявив, что готов переписываться со сверстниками по всему миру, но особенно хочу найти друга в Китае. В том же номере «Радара», рядом с моим объявлением, появилось и объявление молодого китайского поэта из Тяньцзиня, искавшего итальянского друга.

Мы мгновенно написали друг другу, и в течение восьми лет, пока его не поглотила Культурная революция, мы поддерживали переписку, возобновив ее десять лет спустя, когда он вышел из тюрьмы. Я уже представлял его ранее: его звали Арманд Су, и это стало нашей историей.

Самым большим сюрпризом для меня оказалась не сама возможность и легкость общения, без цензуры и уловок, а то, что Арманд Су, китаец, никогда не покидавший своей страны, писал по-итальянски и знал 21 язык. Мало того, он был еще и прекрасным поэтом, а самые дорогие его сердцу стихи были написаны именно на итальянском.

О Китае в те времена на Западе знали мало, а то, что знали, часто было искажено. Враждебная пропаганда шла полным ходом, и, возможно, я тоже попал бы под ее влияние, если бы не дружба с Армандом Су, которая с огромной любовью позволила мне увидеть его мир в совершенно ином свете.

Я сразу понял это, без малейших сомнений, ведь поэт жил в условиях абсолютно свободного экзистенциального выбора, в гармонии со всем миром, постоянно странствуя по бескрайнему Китаю, добираясь до самых отдаленных и почти недоступных уголков. Им двигало стремление докопаться до корней своей тысячелетней культуры, чтобы соединить ее с новой эпохой, с грандиозными социальными и политическими реалиями своей страны, и главное — найти точку соприкосновения с Западом. В этом Арманд Су стал беспрецедентным первопроходцем, и я осознал это уже в годы моей неискушенной юности. Меня сразу очаровала его личность.

Я начал собирать его письма, стихи, которые он писал на тончайших листах рисовой бумаги, фотографии, сделанные во время вдохновенных путешествий по самым затерянным регионам. В письмах мы делились подробностями своей жизни, привычками, мыслями, радостями и печалью, даже любовными переживаниями, обменивались семейными фотографиями. К тому времени мы с непосредственной теплотой уже называли друг друга братьями, будто знакомы всегда, словно наша дружба вызрела за долгие годы, проведенные вместе под одной крышей, с ответственностью, которая казалась предопределенной кровными узами.

Уже в те ранние годы нашей дружбы Арманд обладал глубокими знаниями западной, особенно европейской, культуры. Он читал и размышлял над ключевыми произведениями классической и современной литературы на эсперанто²⁰ и многих

²⁰ Эсперанто — наиболее распространенный плановый язык, созданный варшавским лингвистом и окулистом Лазарем (Людвиком) Марковичем Заменгофом в 1887 году для международного общения.

других языках, которые изучал благодаря удивительному ассоциативному механизму, открывавшему его разум для любых познаний. Всецело поглощенный изучением и экспериментами над увлекательным и дерзновенным замыслом — слиянием двух самобытных культур, китайской и западной, в попытке преодолеть их разобщенность, — он, конечно, был далек от бурных процессов социальной и политической революции, охватившей Китай.

Наступили смутные годы Культурной революции, ураган, сотрясавший страну в 1960–1970-е. И Арманд сразу оказался в эпицентре этой бури. Искренний поэт был сметен вихрем, а с ним и многие другие «цветы». Незадолго до этого, работая над поэмой «Тан», он написал прекрасные строки, поражающие явным предчувствием:

**Я СПАЛ ВЕСНОЙ, НЕ ЗАМЕЧАЯ РАССВЕТА,
ПТИЧЬИ ТРЕЛИ ЗВЕНЕЛИ СО ВСЕХ СТОРОН.
НОЧЬЮ ШЕЛ ДОЖДЬ И ДУЛ ВЕТЕР,
СКОЛЬКО ЦВЕТОВ ОПАЛО, НИКТО ЗНАТЬ НЕ МОГ.**

Радикальное безумие того, что десять лет спустя будет осуждено как «*Банда четырех*»²¹, попытка узурпировать народную власть и насильственно подавить маоистское понимание «праведных противоречий», а также последовавшая за этим разрушительная волна анархии — все это было следствием более широкой негативной мировой конъюнктуры. Наиболее очевидным ее проявлением, конечно, была война во Вьетнаме, но не менее значимые события разворачивались и в Китае.

Арманд Су стал одной из многих жертв этого ужасающего террора. Его фанатичные обвинители сразу же объявили его «контрреволюционером».

Уже осенью 1966 года злобные эмиссары «банды» ворвались в его дом на улице Хоупэй, в доме номер один на Кан Нин Ли. Они уничтожили небольшую библиотеку, которую он собирал с таким трудом, сожгли книги, архив писем, накопленный за годы переписки с зарубежными литераторами, стихи, газеты и фотографии. Каждый клочок бумаги методично превращался в пепел на глазах у его престарелой матери. Печатная машинка, считавшаяся дьявольским предметом, символом капитализма, была разбита вдребезги. Конфисковали даже ножницы. Комнаты в доме заняли другие жильцы, оставив Арманду Су лишь крохотную каморку.

После этого разрушительного набега, истекая кровью от побоев, Арманд ночью бежал из Тяньцзиня. Он отправился в скитания по дальним городам, где у него были надежные друзья и куда безумие «красных гвардейцев»²² — отрядов фанатичной маоистской молодежи, избивавшей и незаконно арестовывавшей

²¹ «Банда четырех» — идеологическое клише, используемое в официальной китайской пропаганде и историографии для обозначения группы высших руководителей Коммунистической партии Китая, выдвинувшихся в ходе Культурной революции 1966–1976 годов, являвшихся наиболее приближенными к Мао Цзэдуну лицами в последние годы его жизни. Согласно официальной версии, после смерти Мао члены «банды четырех» намеревались узурпировать высшую власть, но были разоблачены и арестованы. В состав этой группы входили: Цзян Цин — последняя жена Мао, а также Ван Хунвэнь (один из пяти заместителей Председателя ЦК КПК, член Политбюро ЦК КПК и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, член Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей), Чжан Чунъюяо (мэр Шанхая и секретарь Шанхайского горкома КПК) и Яо Вэньюань (член Политбюро, ответственный за идеологическую работу).

²² Хунвейбины — члены созданных в 1966–1967 годах отрядов студенческой и школьной молодежи в Китае, одни из наиболее активных участников Культурной революции.